

Введение. Окна EuroOntology

Первой и наиболее простой метафорой, через которую задается проблематика EuroOntology, является метафора железнодорожного пути. Впрочем, если *метафора* всегда является некоторым перенесением и перевозкой, то в случае с железной дорогой она становится тем транспортным средством, которое первоначально определяет EuroOntology серией картин, видов, увиденных из окна поезда, запускаемого этой метафорой. Для того чтобы увидеть эти картины, не обязательно ездить по географической, культурной или понятийной территории Европы, то есть EuroOntology не является ни описанием границ Европы, ни описанием пределов подобного описания. Первоначально ее можно представить в качестве загадочного микрофильма, снятого на всем известных – магистральных – путях движения поездов дальнего научного и философского следования, но при этом снятого так, что никто не может опознать места, пройденные воображаемым поездом. Создается впечатление, что эти снимки сделаны там, где просто нет никакой остановки, где нет возможности ничего снимать, то есть предполагаемый оператор должен был каким-то образом сойти с рельс – и в то же время оставаться внутри поезда, двигающегося по заданному направлению.

Первый снимок сделан как будто сверху. Более того, он напоминает схему движения поездов. И в то же время он пытается показать что-то в самой Европе – Европе EuroOntology.

Европа существует лишь в форме множества границ, между которыми может полностью отсутствовать то, что они ограничивают. По крайней мере, на схеме содержимого границ не видно. Отсутствующее полагается на свои границы, связывающиеся в некоторую устойчивую систему так, что только эта связь и определяет существование чего бы то ни было – подобно тому, как связывается система железнодорожных путей, задающая существование поездов, пассажиров и переездов. Как к такой системе могли бы быть присоединены различия – или рельсы – иного размера? Быть может, необходимо просто видоизменить структуру вагонов? Как перейти от одной системы к другой, и есть ли некая предельная сеть путей, которая задает логику и правила следования всех остальных? Как возможна граница, которая ничего не ограничивает – вот одна из проблем EuroOntology.

На другой серии снимков картина EuroOntology показывается как мир мобильного телефона – Mobile World. Что есть в таком мире? EuroOntology могла бы претендовать на роль онтологии европейского дома, если бы вместе с мобильным телефоном не стала сомнительной сама связь дома и онтологии – связь, постулируемая в любой фундаментальной онтологии, то есть онтологии европейской философии. Фундаментальная онтология могла выражаться в формуле «мой дом – моя крепость». Границы формируются содержательно или феноменологически – между одним регионом и другим, между одним родовым помещением и иным: все работает на логику родовых отличий. Но в мире мобильного телефона феноменологические, родовые и кровные способы задания европейской онтологии не работают. Ведь мобильный телефон сам исполняет роль границ, их проведения, отделения одного дома от другого и их сближения. Дом и родина – таковы основные элементы онтологической разметки, распределения Raum'a. Но мобильный телефон – это то, что связывает меня с моей родиной, где бы я ни был, даже если её вовсе нет. Мобильная трубка первоначаль-

но связывается не с другим домом, а *за счёт* «дома», т.е. роуминга. Трансцендентальная игра пространства – Raum'a –меняется на эмпирическую игру *gaming*: сеть телефонной связи выстраивается не в соответствии с трансцендентальной логикой, а с присоединением каждого телефона к ближайшему передающему элементу, так что никакой сети в философском смысле может и не быть. Связь, в том числе и онтологическое связывание, оказывается возможным и без земного дома, без непрерывных возвращений к этому дому, похороненному где-то в геологических пластах Европы. Что же становится с домом, родиной и иными элементами прежней – фундаментальной и *базальной* – онтологии? Мобильный телефон – это «дым отечества». Он позволяет везде «быть дома» именно потому, что дым отечества может быть *неизмеримо больше* самого дома, так что куда ни попадешь – везде будешь как дома. EuroOntology – это, таким образом, онтология Европы, ставшей неизмеримо большей самой себя. Европа, мыслившая себя в качестве единственного метафизического дома, оказывается больше самой себя, так что в мире мобильного телефона метафизическое выражение «дом больше чем дом» или «центр больше чем центр» приобретает особое значение – на первое место выходит проблема «больше» как проблема размера – размера постоянно расширяющейся Европы.

Третья серия кадров выстроена в стиле документальных зарисовок о жизни европейской провинции. Рыбаки и море. Одни рыбаки ловят рыбу при помощи удочек, а другие предпочитают сеть. И те, и другие придерживаются своих особенных взглядов на структуру реальности. Удильщики предполагают, что реальность появляется только тогда, когда они закидывают крючок и при этом делают вид, что ничего не произошло (иначе рыба заметит, что крючок закинут, и не будет клевать). Эти рыбаки искушены в диалектике и проблемах соотношения сущности и явления: сущность – это рыба, а явление – колебания поплавок. Они знают, что рыба может сорваться, а поплавок может дрожать из-за побочного волнения моря. Ловцы сетью почти не могут найти общего языка с удильщиками. Они полагают, что реальность – это, скорее, система нитей их сетей. То, что остается в сети, отличается от того, что из неё уходит, но остающееся никак не «соответствует» структуре сети, иначе она бы забила (при полном соответствии остающегося в ней и ее ячеи). Главное для сети различие – между тем что уходит и что в ней остается. Причем структурируется само это различие через размер. Остается всегда то, что *больше* того, что уходит. Хотя уйти, конечно, может и больше, чем остаться. Ловцы никак не могут решить, существует ли две реальности – сеть и пойманное, или же одна (сеть) выступает условием самой возможности второй. Последний вариант кажется им особенно привлекательным, поскольку он позволяет сохранить привилегию сетей и их собственную привилегию владельцев, но он же грешит многими теоретическими неувязками: например, если сеть оказывается условием пойманной рыбы, то почему рыба все время разная? Почему кроме рыбы ловится еще много чего другого, чего ловить никто не собирался? И, наконец, почему рыба не разводится и не нерестится прямо в сетях? Эти вопросы оставляют ловцов в недоумении, что на руку их оппонентам – удильщикам. Удильщики не понимают неочевидных стратегий ловцов сетью и выступают за классический принцип эквивалентности – эквивалентности крючка и пойманной на него рыбы.

Другая серия кадров микрофильма построена из нескольких сцен, которые оператор снял в надежде запечатлеть странные эпистемические обычаи и обряды EuroOntology. Одна сценка показывает корпорацию людей, которые решают все свои экономические задачи, полагаясь на интуицию. Интуиция – это

экономический механизм некоторого действия, обеспечивающий его успешность и прибыльность. Интуиция должна определяться по ряду критериев ментального и физико-физиологического характера – таким как «ясность», «отчетливость», «нездоровый блеск в глазах», «помутнение в мыслях», «предчувствие чего-то очень хорошего» и «дрожь в коленях». В самом скором времени корпорация переживает банкротство из-за того, что механизм интуиции начинает давать сбои: все признаки полноценной интуиции налицо, однако ее применение не приводит к обещанному выигрышу и прибыли. Интуиция становится нерентабельной и менеджеры корпорации вынуждены ее запретить. В другой корпорации производятся не вещи и не услуги, а люди как граждане EuroOntology. Тут, однако, тоже не обходится без недоразумений. В производстве истины субъекта EuroOntology конкурируют три технологии: традиционно-ремесленная, предполагающая обнаружения этой истины через употребления растворов этанола; религиозная, считающая, что субъект устанавливается путем его исповедания; психологическая, требующая для всех субъектов долгого и дорогостоящего психоанализа. Бывает, что трем конкурирующим технологиям не удается поделить сферы влияния, и тогда появляются субъекты с тройной или двойной истиной – например, происповеданные у священника-психоаналитика или напившиеся перед сеансом психоанализа католики. Столкновение трижды истинных субъектов, по мнению специалистов по субъективным технологиям, может привести к тотальной аннигиляции. Еще более серьезной проблемой является постоянное обнаружение паразитов субъективного производства, которые могут разрушить весь слаженный экономический процесс.

Наконец, последний эпизод микрофильма поделен на загадочные сцены, связанные с вопросом о размере вещей. Философствующий скорняк принимает заказ на изготовление нескольких шапок из очень маленькой овчинки. Он делает шапки, которые клиент не может не принять, поскольку они соответствуют любому смысловому определению шапки, хотя заказчику они – в силу слишком малого размера – и не подходят. Другая сцена демонстрирует старый, обветшалый дом. Дом очень большой, но показан он издалека. Кажется, что кроме него на кадре ничего нет. Но при приближении обнаруживается, что около дома растет пожухлая трава, а за домом расположена маленькая свалка. В конце сцены кто-то, остающийся невидимым, выкашивает траву и убирает свалку.

Такой микрофильм, предположительно попавший нам в руки, ставит ряд вопросов. Во-первых, непонятно, как он был сделан. Как уже было указано, предполагается, что он был снят с поезда, идущего путями европейской онтологии. Но EuroOntology тем и характеризуется, что все эти снимки невозможно локализовать – они были сделаны как будто на неких неопределимых полустанках. Возникает вопрос: какое значение имеют эти *полустанки* для всей системы *станций* и инстанций теоретического движения, описываемого нашим воображаемым поездом? Если совокупность железных дорог задает систему станций, логику их распределения и способ перехода (переезда) от одной станции к другой, то могут ли вообще существовать полустанки – нечто остающееся как бы в стороне от цивилизованного – железнодорожного – связывания одного пункта с другим? И если необходимость полустанков будет все же доказана, то говорит ли это просто в пользу уточнения логики и карты дорог?

Касаясь вопроса о происхождении фильма, можно выдвинуть и другую гипотезу – возможно, оператор просто смог каким-то образом отлучиться из поезда и снять то, что непосредственно из его окон не видно. Но железнодорожная

метафора в пределе предполагает, как это будет ясно в дальнейшем, что движение поездов, их система, в своем философском изложении требующая, чтобы движение осуществлялось одновременно с прокладкой путей и даже чтобы вообще не было никакого различия между прокладываемыми путями и движением, как раз и задает локальность каждого места. Иначе говоря, движение поезда определяет право места на уместность, право, определяемое по степени близости к железнодорожному полотну, так что все воображаемые «места удаленные» не могут претендовать на философское гражданство. В таком случае поведение воображаемого оператора и выводы, которые можно из такого поведения извлечь, представляются довольно загадочными. Все ли дело в местных неувязках, несовершенстве европейской системы путей сообщения, или же эта система не может быть совершенной по определению? Но если такое несовершенство оказывается базовым, то железная дорога уже не может оказаться базисом онтологического распределения, что в свою очередь требует введения EuroOntology как результата выявления несовершенства *базальной* или *фундаментальной* логики, так же как и трансцендентальной логики «вида из окна», позволяющей проезжающему пассажиру хвалиться тем, что он ничего не упустил из «видов» пересекаемой им местности.

Другая группа вопросов, провоцируемых микрофильмом, относится к его содержанию. Самым замечательным фактом может оказаться то, что его содержание непосредственно связано с загадкой его производства, являясь ее иллюстрацией или каким-то преломлением. Исследование некоторых снимков подтверждает эту догадку: так, Mobile World выступает в качестве парафразы железнодорожного мира, и в то же время он «больше него» и больше всей Европы. Тема сети, поднятая рыбаками, связывается и с «мобильным» телефоном, и возможностью оставаться в стороне от железнодорожного связывания отдельных логических и локальных пунктов. Наконец, все эти вопросы приводят к теме «размера», которая сквозит и в сетях, и в «доме» и в экономических проблемах когнитивного производства. Кажется, что все вопросы сами по себе сплетаются в сеть, которая расщеплена на сеть мобильного телефона, сеть рыбаков, сеть производств и экономии, завязанную в свою очередь на время и право.

«EuroOntology» как название некоторого исследовательского проекта предполагает попытку более полной артикуляции всех этих вопросов и, соответственно, ответа на них. Естественно, что эти вопросы в данном случае переведены в особую форму, и для работы с ними они требуют обратного перевода, ведь, как нетрудно догадаться, вряд ли они могли быть поставлены именно так, как это здесь показано. Таким образом, микрофильм EuroOntology – это лишь особое наглядное пособие, которое никак не может претендовать на первенство в эпистемологическом или онтологическом порядке. Однако его наглядность, при всей своей обманчивости, способна указать на то, что EuroOntology – это, во-первых, ряд проблем, связанных с некоторыми устойчивыми топиками европейской онтологии и науки вообще (топиками, совмещаемыми с загадочными железнодорожными путями), во-вторых, это проект и возможный результат их решения, а в-третьих – сама «доктрина» EuroOntology, неразрывно сплетенная и с постановкой свойственных ей вопросов, и с ответами на них.

По способу задания «картин» EuroOntology можно подумать, что ее центральным вопросом является некий обобщенный вопрос об онтологических маргиналиях, ставший особенно популярным в современной философии и перекочевавший в науку. В действительности же, логика «маргиналий» никоим образом не выходят за пределы собственно европейской или трансцендентальной

логики и онтологии, метафорически описываемой через самодвижущиеся железнодорожные пути. Этот парадокс, который еще требует своего объяснения (здесь он дается просто в качестве некоторого предуведомления), не являясь центральным для проблематики EuroOntology, показывает, однако, один из ее существенных моментов, сводимых к вопросу: не задана ли каждая логика маргиналий той общеевропейской тенденцией предельного обобщения онтологических и эпистемических путей, которая выписывает любой из своих *пределов* только в том случае, если его удастся представить в качестве *придела*, каким-то образом окаймляющего и помещающего в себя все то, что осталось внутри указанных и обозначенных пределов. Другими словами, EuroOntology обращает внимание на то, что *служебная функция придела*, как правило, ничем не отличается от службы центрального храма, продлевая ее и распространяя во все стороны. EuroOntology стремится теоретически пометить проблематичность такого распространения и его логическую непоследовательность. Те онтологические и логические трансформации, которые поразили философию последнего века, с точки зрения EuroOntology, могут привести к результатам, существенно отличным от логики маргиналий, которая, скорее, оказывается поспешной и некритичной реакцией на эти действительно необходимые для теории изменения. Таким образом, вопросы, из которых собирается слагаться EuroOntology, сами задаются как в этих трансформациях (частично запечатленных на кадрах вышепрсмотренного микрофильма), так и в уже известных реакциях на них. EuroOntology ставит задачу продления этих как будто бы уже закрытых и описанных вопросов – продления по ту сторону ответов, которые не представляются ей достаточно убедительными и продуктивными.

Вопрос о методе действия EuroOntology, который можно было бы поставить, осложнен тем, что он ни в коей мере не может считаться просто внешним для неё «методологическим» замечанием. Собственно, вся проблематика EuroOntology может быть представлена в качестве некоего методологического рассуждения, положительный выход которого, однако, не столь очевиден. Если метод всегда связан с путем и движением, то вопросы EuroOntology оказываются в весьма щекотливом положении, напоминая положение вымышленного в начале этого введения оператора – он принужден незаметно отлучаться с локомотива методического мышления, каким-то образом поддерживая с ним связь, то есть он должен успеть спрыгнуть на незапланированной (возможно, даже спровоцированной им самим путем сорванного стоп-крана) остановке и запрыгнуть в набирающий ход поезд. Такое метафорическое описание, естественно, не может служить методологической рекомендацией, однако, вряд ли можно предложить что-то лучшее до начала того или иного исследования. Вообще, теоретическое движение в сфере EuroOntology всегда попадает в следующую ситуацию: рассматриваемые вопросы оказываются базовыми для той или иной методологии, причем само их рассмотрение не позволяет реабилитировать эту методологию, требуя ее радикального переоформления. С другой стороны, самой EuroOntology обычно не удается воспользоваться собственными плодами, которые могли бы появиться на выходе ее исследований – все дело в том, что существенным для неё как раз является та отсрочка, которая не дает возможности обратить результаты некоторой критики в способы ведения самой этой критики или исследования. Методологические проблемы, служащие в большинстве случаев в качестве простой и необязательной пропедевтики, снова оказываются в самом сердце проблем EuroOntology. Если одной из таких проблем является вопрос о «трансцендентальном механизме», то становится ясным,

что экспликация метода во введении была бы непоследовательной уступкой трансцендентальной логике, которую как раз и можно опознать по такой позиции «во введении»: эта логика метода требует своего предшествования, своего введения прежде того, что ее, собственно, требует. Поскольку же EuroOntology весьма чувствительно относится к подобным «формальным» моментам, любое обсуждение ее «собственной» методологии должно быть отложено до тех конкретных исследований, в которых оно может оказаться уже излишним.